

Ветер скользил, приминая травы, срывая лепестки с полевых цветов, сладких, пахнущих медом на весь луг — запах их летел в лицо. Трепетали ветки от порывов лихого, юркого карпатского ветра, вольно и смело было ему здесь дышать, снуя по извилистым тропам гор, взмывая к вершинам, скользя по соломе крыш и играя с хвостами собак и кошек. Вольно было ему, и эту волю хотел вместить себе в грудь Раду, но ей было тесно, как в клетке птице с большими крылами — не взмахнуть, не повернуться, не сделать вдоха. Летел и летел он сам, будто пытаясь лошадь загнать, будто пытаясь захлебнуться этим яростным потоком воздуха, но некуда было бежать, этот мир обступил его со всех сторон. Также бежал он яростно, с вынутыми саблями из ножен, бежал через пламя, сжирающее жизнь на земле, стрекочущее пламя победы и походных костров. Листья в лицо, пропитанные румынским духом, когда с турецкими отрядами устроили привал. Зачем же он вернулся? Зачем нужно обнажать мечи и рваться в бой, зачем чужой смертью пытаться купить возвращение на родную землю? Его имя ему дано, чтобы нести радость, чтобы рассветные шелка несли танцы, а не вспыхивали огнем, чтобы крики сопровождали полные кубки, а не были от боли, чтобы праздничные ленты вились в волосах, а не были лентами крови, пропитывающими землю. Его противостояния не имели конца — с врагами султана, с братом и, прежде всего — с самим собой. Он то протягивал руку, то боялся сделать это, изрезана была душа на полосы, и всякий раз новыми. Куда же теперь бежать, если никого нет больше за спиной, если раздроблена его родина на осколки, если он сам как оторванный осколок катится по землям. Оставлена теплая солнцем прогретая земля, заснувшие, будто от чар, сады султана, которыми владеет теперь лишь он один. Оставлена его братом наполненная сладким воздухом и ветрами румынская земля. Не схватить ничьей руки, не сжать, не крикнуть — голос, будто булькнувший в жиже болотной, не достигнет ничего. Уйти, убежать, взлететь за крыши и достать холодных лоскутов облаков, но только не владеть одному этой давящей грудью свободой, сопровождающейся цокотом копыт без конца. Желание создать союз с тем, кто стал властелином стольких событий его жизни, желание быть благодарным тому, кто в этой незнакомой стране оказался ближе всех — так или иначе, желание снова оказаться рядом с тем, кто с ним одной крови, даже пусть это поле битвы. А добившись трона, почувствовать себя битым стеклом под подошвой, разрушенным храмом, опустевшим до дна сосудом. Сколько трав мягких, вод бурных и ветров — сотни воздушных потоков, с которыми сросся он, но никак не мог вместить в себя. Как

много для его груди, для мечущегося сердца, для души, которая никогда не закончит своих поисков и сражений.

Запыхавшись от езды, Раду остановился возле реки и спрыгнул с коня. Пошатываясь, подошел к кромке воды, упал на колени, пытаясь отдышаться. Зачерпнув ладонями воды, умылся, несколько капель попали на грудь, будто мурашки пробежали. Воспоминания кружились, будто снова и снова пороха им подсыпали. Где он пытался решить правильно, где был страх, где каприз, где своеволие, а где желание мира. Миллионы секунд будут снова и снова проходить, пройдет боль, сомнение и агония, прах сравняется с землей, кто скажет тогда — насколько поступки его были верны, насколько суждения правы? Как сумеет справиться с вверенными жизнями, с хитросплетениями политики, с отношениями с людьми, когда не можешь привести в порядок собственную душу? Почему не было на его руках старшего брата, когда тот умирал? Почему не было прощения другого, когда он принял иной путь, когда Турция пропитала его своим душистым ароматом? Почему за каждый шаг было столько расплаты, как будто он по проволоке шагает, а оступишься — понесет тебя ветер, свободный ветер румынской земли, вьющийся между дорог-цепочек на горах. Как он хотел быть столь же свободен, взмыть к солнцу, чтобы видеть все, что так дорого сердцу, быть ближе к теплу, что обнимет его за плечи, и самому светить, нести радость и больше никогда — кровь. А ему снова нужно взять в руки меч. Идти и сражаться — с союзником или противником? Так сильно перемешано, перепутано.

Встав с колен, Раду всмотрелся в безбрежные зеленые холмы, утопающие в пухлых холмах небесных. Нет, нельзя ему сдать себя сейчас. Пусть льется кровь, пусть лакает ее земля, но отступать, отречься от себя — было бы еще большей подлостью, чем прочие. Смелости немного недостает, но ничего. Через миллионы троп и дорог ветер пришпорит ее, как снова касающиеся каблуки боков коня, и несется, вьется за плечами плащ его воспоминаний, и груди мало — нестерпимо мало для воздуха.

